

— 417 —

чему и получается правильное пониманіе толкуемыхъ изреченій. Попробуемъ же насильственно и гдѣ не подобаетъ облекать въ духовное толкованіе то, что полезно въ историческомъ смыслѣ, значить не другое что, какъ просто смѣшивать безъ разбора полезное и по великому невѣжеству загрязнять получающуюся оттуда пользу.

IX. 5. Егда есмь ¹⁾ въ міръ, свѣтъ есмь міру.

Неужели допустимъ, что Христосъ когда либо совсѣмъ не былъ въ мірѣ, или станемъ вѣрить, что, вознесшись на небо послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, уже не обитаетъ среди пребывающихъ въ этой жизни? Какъ истинный Богъ, Онъ наполняетъ и объемлетъ не только небеса и находящуюся за ними твердь, но и нашу вселенную. И какъ при обитаніи съ плотью среди людей въ этомъ мірѣ Онъ не оставлялъ небесъ, такъ согласно правильному образу мыслей должны мы рассуждать, что хотя по плоти Онъ и ушелъ изъ этого міра, тѣмъ неменѣе всегда будетъ пребывать въ немъ и управлять всѣмъ божественная и неизреченная Его природа, не удаляющаяся ни отъ чего существующаго (въ мірѣ) и ничего не оставляющая, но вездѣ всему присущая,—наполняющая этотъ весь міръ и выше его мыслимый, но наполняемая одною только собою.

Теперь слѣдуетъ рассмотреть, о чемъ говорить здѣсь Господь. Ниспровергнувъ, какъ пустое, мнѣніе Іудеевъ и показавъ ихъ увлеченіе гнилыми догматами, а Своимъ ученикамъ давъ совѣтъ, что имъ надо привыкнуть дѣлать угодное Богу и отвыкнуть увлекаться изысканіемъ совершенно излишняго, даже

¹⁾ Такъ согл. и вѣк. въ автор. и слав. въ *міръ есмь*.

пригрозивъ тѣмъ, что время дѣла можетъ уйти у нихъ, при ихъ полномъ бездѣйствіи, если они не употребятъ все стараніе къ благоуукрашенію себя ими (дѣлами), пока они находятся въ этомъ мірѣ съ плотию,—беретъ Себя Самого въ образецъ дѣла: вѣдь вотъ и Я, говоритъ, дѣлаю подобающее Мнѣ, а если Я пришелъ для освѣщенія того, что нуждается въ свѣтѣ, то Я долженъ и глазамъ тѣлеснымъ, если они они болѣютъ ужаснымъ отсутствіемъ свѣта, вселить свѣтъ, особенно когда кто либо изъ страждущихъ приступитъ (съ просьбою объ этомъ).

Такимъ образомъ мы должны брать это изреченіе въ историческомъ и простомъ (буквальномъ) смыслѣ. Но несомнѣнно, что Единородный есть и свѣтъ духовный, знающій и могущій освѣщать не этотъ только міръ, но и иную всю надмірную тварь. И если къ предложенному созерцанію мы станемъ примѣнять такой смыслъ этихъ словъ, то полагаю мы не окажемся дѣлающими что либо невѣроятное.

IX. 6—7. Сія рекъ, плюну на землю, и сотвори брєніє отъ плюновенія, и помаза ему брєніє на очи, и рече ему: иди, умыйся въ купѣли Силоамстѣ, еже говорится: посланъ. Иде убо и умыся, и прииде видя 1).

Принявъ это исцѣленіе слѣпца за образъ призванія язычниковъ, опять скажемъ о смыслѣ таинства кратко и вообще.

Во первыхъ укажемъ на то, что мимоходомъ и по оставленіи іудейскаго храма видитъ слѣпца. Потомъ благополезно присоединимъ сюда и то, что безъ хода-

1) Въ *ἀπὸ τοῦ* В *ἐκ τῆς* *αὐτοῦ* г. л. *ἐκ τ. ὁ τοῦ* г.—одни,—др. безъ г. *τοῦτοῦ*,—иные безъ *αὐτοῦ*. Древне-слав. *помаза ему очи* О *шедъ же*, Мар. др: *иде же*, Зогр и *иде же*. Гал. *помаза ему очи берньснъ слѣпому* Ал точно: *помаза берньсн на очю слѣпотоу—шедъ убо и умыся и прииде видя*. Ковст. и поздн оп. *ему*, но чит: *слѣпому* Тип Сям: *каломъ*.

тайства и просьбы чьей либо къ Нему, но по собственному побужденію и по самоизволенію приходитъ Спаситель къ желанію исцѣлить человѣка, и это полагая какъ бы знаменіемъ того, что отъ множества язычниковъ не было никакого ходатайства, ибо всѣ пребывали въ заблужденіи, но будучи Богомъ и благимъ по природѣ, какъ бы по самопризванію пришелъ къ милости для нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ какимъ бы то ни было образомъ могло просить у Бога милости это разнообразное число еллиновъ или язычниковъ, имѣвшее умъ, загроможденный несравнимымъ невѣжествомъ, такъ что совсѣмъ не могъ видѣть Просвѣтителя? Поэтому, какъ и исцѣляемый конечно не видалъ Іисуса, но по Его милости и человѣколюбію получаетъ (прозрѣніе) сверхъ ожиданія, такъ тоже случилось чрезъ Христа и съ язычниками. А что исцѣленіе совершается въ субботу, то буббота здѣсь можетъ служить намъ образомъ конечнаго времени настоящаго вѣка, когда Спаситель возсіялъ язычникамъ, ибо конецъ седмицы суббота, а пришелъ и явился всѣмъ намъ Единородный въ послѣдній часъ и въ конечныя времена вѣка. Но и о способѣ исцѣленія съ истиннымъ изумленіемъ подобаетъ сказать: „какъ возвеличились дѣла Твои, Господи,—все премудростію сотворилъ Ты“ (Псал. 103, 24).

Но чего ради, спросить кто либо, хотя и могъ все легко совершать словомъ, смѣшиваетъ *брекіе* отъ *плюновенія*, а, помазавъ *глаза* страдавшаго, оказывается повелѣвающимъ сдѣлать и (еще повидимому) излишнее нѣчто: *иди, говорить, омойся въ купальнѣ Салоама*“. Глубокій смыслъ, думаю, заключается въ этихъ словахъ, ибо Спаситель не повелѣваетъ ничего напраснаго. Помазываетъ брєніемъ, прилагая какъ бы недостающее и отсутствующее природѣ зрѣнія и тѣмъ

показуя что Самъ Онъ былъ образователемъ насъ въ началѣ, творцомъ и создателемъ всего.

Но это дѣло имѣетъ и нѣкоторый таинственный смыслъ. Какой же это и что мы расположены разумѣть тутъ, скажемъ также и объ этомъ.

Вѣдь язычникамъ возможно было омыться отъ обнимавшей ихъ слѣпоты и узрѣть божественный и святой свѣтъ, то-есть получить познаніе о Святой и Единосущной Троицѣ не иначе, какъ чрезъ то, что они сдѣлались причастниками святой Его плоти, омылись отъ черниваго ихъ грѣха, освободились отъ власти діавола очевидно посредствомъ святаго крещенія. А какъ слѣпцу Спаситель начертывалъ предварительный образъ этого таинства, то и значеніе этого причастія выполнилъ пока чрезъ помазаніе плюновеніемъ. И во образъ святаго крещенія повелѣваетъ ему бѣжать и омыться въ Силоамѣ, коего имя премудрый и духоносный Евангелистъ считаетъ нужнымъ истолковать. Это потому, что подъ *посланнымъ* мы разумѣемъ не другого кого, какъ на погибель грѣха и діавольскаго владычества свыше къ намъ отъ Бога пришедшаго и посланнаго Бога Единороднаго и признавая, что это Самъ Онъ невидимо носится на водахъ святой купѣли, омываемся съ вѣрою не въ очищеніе нечистоты плотской, по написанному но какъ бы скверну какую и нечисть очей души отмывая, дабы наконецъ возмogli мы чистые часто созерцать божественную красоту,

Итакъ, какъ вѣруемъ въ то, что тѣло Христа животно, поелику есть храмъ и жилище живого Бога Слова и обладаетъ всею силою Его, такъ почитаемъ его (тѣло) и способнымъ сообщать просвѣщеніе, ибо оно есть тѣло природнаго и истиннаго Свѣта. И какъ, когда воскрешалъ умершаго единороднаго

сына вдовы, неудовольствовался однимъ приказаніемъ и словами: „юноша тебѣ говорю: встань“ (Лук. 7, 14), хотя и могъ словомъ совершать всѣ желанія Свои, но и положилъ руку на гробъ, показуя этимъ, что и тѣло Его имѣетъ животворную силу: такъ и здѣсь помазуетъ плюновеніемъ, научая этимъ, что тѣло Его можетъ сообщать просвѣщеніе чрезъ простое прикосновеніе, ибо оно есть тѣло истиннаго Свѣта, какъ сказали мы.

Слѣпой уходитъ и быстро омывается, немедленно исполняя приказаніе и на себѣ самомъ какъ бы показуя благопослушаніе язычниковъ, о коихъ написано: „готовности сердца ихъ вняло ухо Его“ (Псал. 9, 38). Такимъ образомъ и самый опытъ свидѣтельствуешь о жестокосердіи жалкихъ іудеевъ и о готовности язычниковъ къ послушанію.

Бреніемъ и омовеніемъ человѣкъ тотчасъ же освобождается отъ слѣпоты и возвращается „видя“, ибо не могло быть иначе, какъ согласно волѣ Христа. Поэтому прекрасна вѣра, доставляющая намъ богданную силу благодати, — напротивъ вредно двоедушіе и сомнѣніе: „ибо двоедушный человѣкъ не устойчивъ во всѣхъ путяхъ своихъ“, какъ написано, и отнюдь ничего не получить отъ Господа. (Іоан. 1, 7—8).

IX, 8—9. *Сосѣди же и иже бяху видѣли его прежде, яко проситель* ¹⁾ *бѣ, глаголаху: не сей ли есть сѣдѣй и просяй? Иной глаголаху, яко* ²⁾ *подобенъ ему есть. Онъ глаголаше: яко азъ есмь.*

Великія чудеса съ трудомъ вызываютъ вѣру къ себѣ и недоступны разумѣнію, но воспринимаются

¹⁾ *προσείτης*—одни и слав. а др. *τηχός* и слав. *слѣпѣ*.

²⁾ Такъ слав. и одни греч. Но Кир: *иной говорилъ: кѣтъ, но*—какъ др. гр.

умомъ безъ изслѣдованія, такъ какъ пытаться изслѣдовать превышающее умъ и слово есть признакъ недоумія. Поэтому, думаю, и не повѣрили и нѣкоторые изъ прежде выдавшихъ слѣпца, пребывающаго обыкновенно на перекресткахъ улицъ и теперь пораженныхъ тѣмъ, что неожиданно встрѣчаютъ его обладающимъ свѣтлыми глазами. Это событіе вызываетъ въ нихъ сомнѣніе и раздѣленіе. Одни, обращая болѣе вниманія на величіе дѣла, говорятъ, что это не тотъ же самый человѣкъ, а очень сходный съ ихъ знакомымъ (слѣпцомъ): и вполнѣ естественно это для тѣхъ, кои, отвергнувъ истину, какъ бы толкаются къ невольному лжесловію. Другіе же, болѣе разсудительные и обладавшіе болѣе свѣтлымъ умомъ, благоговѣя предъ чудомъ, говорятъ, что это—онъ (бывшій слѣпецъ). Споръ тотъ часъ же разрѣшаетъ исцѣленный, самъ засвидѣтельствовавъ о себѣ самомъ, такъ какъ каждый знаетъ самого себя, какъ бы ни былъ сумасброденъ. Чудо же, невѣроятное по своей чрезмѣрной силѣ, доставляетъ Чудотворцу великую и всеобщую славу.

IX. 10. Глаголаху же ему: како ти отверзостъ ся очи?

Съ трудомъ рѣшаются повѣрить, что это тотъ самый, кого они знали издавна, и, переставъ спорить объ этомъ, спрашиваютъ: какъ онъ избавился отъ слѣпоты и какимъ образомъ совершилось это необычайное дѣло? Вѣдь подобное любопытство и изслѣдованіе образа совершенія событія всегда обычно удивляющимся. И они дѣлаютъ это не безъ божественнаго руководительства, по нашему мнѣнію, но чтобы даже и противъ воли узнать всемогущество Спасителя нашего, благодаря ясному и открытому объявленію имъ со стороны слѣпца, что можетъ слу-

жить прекраснымъ образомъ того, что обратившіеся язычники, освободившись отъ исконной слѣпоты и получивъ освѣщеніе отъ Спасителя нашего Христа чрезъ Духъ, являются учителями израильтянъ. А что сказанное истинно, объ этомъ возгласятъ дѣла.

IX. 11. Отвѣща онъ: человекъ нарицаемый Иисусъ, бремѣ сотвори и помаза мои очи и рече ми: иди умойся въ ¹⁾ Силоамъ. Шедъ же и, умывся, прозрѣхъ.

Оказывается еще незнающимъ того, что Спаситель есть Богъ по природѣ, ибо не говорилъ бы о Немъ такъ унижительно. Какъ видно, онъ думаетъ и разсуждаетъ о Немъ, какъ объ одномъ изъ святыхъ, почерпнувъ такой взглядъ на Него, кажется, изъ темнаго слуха, распространеннаго по всему Іерусалиму, и повсюдной о Немъ молвы. Такъ обычно люди съ поврежденнымъ тѣломъ и объятые крайнею нуждою не имѣютъ досуга приобрѣтать точныя свѣдѣнія о другихъ, такъ какъ всю свою заботу употребляютъ на свою безвыходную бѣдность. Поэтому называетъ Его самымъ простымъ человекомъ и сообщаетъ способъ исцѣленія. Ему, подѣ вліяніемъ величайшаго чуда, конечно надлежало бы убѣдиться въ сверхчеловѣческой природѣ Чудотворца и воздать подобающую славу Ему. Но Онъ думаетъ, что и святые могутъ совершать при помощи Бога чудеса, и увлекается къ мысли, что это одинъ изъ нихъ.

IX. 12. И ²⁾ рѣша ему: гдѣ ³⁾ есть Той? Глагола: не вѣмъ.

Не по доброму намѣренію ищутъ Іисуса, но и не стараются узнать, гдѣ и у кого Онъ имѣлъ мѣсто-

¹⁾ др: въ купель Силоамъ.

²⁾ Такъ одни. другіе: *рѣша убо*, третьи только: *рѣши*.

³⁾ Слав. тепер. *кто* и подѣ чертою: *гдѣ*.

пребываніе, чтобы, найдя Его, попросить чего либо для себя полезнаго. Но, будучи слѣпы очами ума болѣе, чѣмъ прежде былъ слѣпъ тотъ тѣлесными очами, возжигаются несправедливѣйшимъ гнѣвомъ и набрасываются, подобно неукротимымъ звѣрямъ, воображая, что Спасителемъ нашимъ была нарушена заповѣдь, повелѣвающая отнюдь ничего не дѣлать въ субботу. Свирѣпствуютъ до крайности за то, что Онъ дерзнулъ взять брѣніе, растереть пальцами землю и кромѣ того еще повелѣлъ человѣку смыть это въ субботу. Поэтому то безъ всякаго стыда изрыгаютъ отъ ярости и безумія вопросъ: „гдѣ—Онъ“. Того, Кому свойственна была и подобала богатая слава, они надѣляютъ униженіемъ и порицаніемъ. Между тѣмъ какъ имъ надлежало бы, если бы они были люди хорошіе и способные, вѣнчать божественную силу подobaющими похвалами, они напротивъ, вслѣдствіе своего чрезмѣрнаго злонаравія, отталкиваютъ отъ себя справедливыя мысли и дѣла, вдаются въ неумѣстную ревность, несправедливо рѣшаютъ, что надо защищать будто бы нарушаемый какимъ то образомъ законъ и ищутъ Іисуса, какъ совершившаго работу въ субботу и посредствомъ исцѣленія человѣка нарушившаго столь важную заповѣдь. По видимому они думали, что немилостивъ и гнѣвливъ бываетъ Богъ въ субботу и весьма негодуетъ, если увидитъ исцѣленіе человѣка, созданнаго по Его образу и подобію, Тѣмъ, ради кого и суббота, „ибо господинъ есть и субботы Сынъ Человѣческій“. (Матѳ. 12, 8), по слову Спасителя.

1X. 13—14. Ведоша его къ фарисеомъ, иже бѣ иногда слышѣхъ. Въ же суббота, въ онъ же день ¹⁾ брѣніе сотвори Иисусъ и отверзе ему очи.

Отводятъ человѣка къ начальникамъ не съ тою цѣлью, чтобы они узнали бывшее надъ нимъ (чудо) и удивились, ибо неестественно было имѣть когда либо подобное настроеніе питавшимъ чрезмѣрную ненависть къ Спасителю нашему Христу, но чтобы представить его въ очевидное доказательство, какъ они думали, беззаконія Его и обвинить какъ преступника закона тѣмъ, что сдѣлалъ брѣніе въ субботу. Отвергая то, что было достойно удивленія въ этомъ чудѣ, они какъ бы хватаются за это, какъ за преступленіе, въ доказательство содѣяннаго предъявляя человѣка, на коемъ совершено чудо, а вмѣстѣ съ тѣмъ думаютъ, что совершаютъ благочестивое дѣло, соотвѣтствующее обычаямъ іудейскимъ, и стремятся привести въ исполненіе постановленіе закона. Именно во Второзаконіи дѣйствительный и истинный Богъ, научая, что умъ боголюбивыхъ людей не долженъ заблуждаться и никакихъ кромѣ Него не признавать боговъ, но повелѣвая признавать только Единого Истинного и вооружаться сильнымъ гнѣвомъ противъ тѣхъ, кои дерзновенно рѣшались думать что либо другое, кромѣ этого, говоритъ такъ: „если будетъ уговаривать тебя братъ твой отъ отца твоего или отъ матери твоей, или сынъ твой, или дочь твоя, или жена твоя (находясь) на лонѣ твоёмъ, или другъ равный душѣ твоей, тайно говоря: пойдемъ и будемъ служить богамъ другимъ.... не соглашайся съ нимъ и не внимай ему, и да не пощадитъ его глазъ твой, и не жалѣй его и не при-

¹⁾ Такъ одни, др. *егда* и *слав.*

крывай его: непремѣнно возвѣсти о немъ“ (Второз. 13, 6. 8. 9). Иудеи опять, смотря на одни только паденія другихъ и узаконенное относительно одного только дѣла неразумно простирая и на всякое, замѣченныхъ въ чемъ либо, выходившемъ изъ ряда заповѣдей законныхъ, приводили къ начальникамъ, возбуждая чрезъ это почитать и Законодателя. По этой, думаю, причинѣ и искали Иисуса, говоря: „*гдѣ есть Онъ*“. И оказавшись не въ состояніи нигдѣ отыскать Его, ведутъ, какъ бы въ качествѣ второстепеннаго, надъ кѣмъ совершенно чудо, своимъ заявленіемъ какъ бы запечатлѣвающаго, что законъ нарушенъ Совершившимъ исцѣленіе его въ субботу.

А что они пылали неудержимымъ гнѣвомъ за приготовленіе брѣнія въ субботу, это намъ ясно заявляетъ блаженный Евангелистъ и искусно представляетъ достойнымъ смѣха, когда прибавляетъ слова: „*была же суббота въ день, когда брѣніе сдѣлалъ Иисусъ*“.

IX. 15. Паки же вопрошаху его и фарисеи: како прозѣ?

Стараются точно узнать образъ исцѣленія, какъ бы возжигая въ себѣ огонь зависти, но любопытствуютъ, не зная, какъ мнѣ кажется, о чудѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что они пришедшихъ къ нимъ и приведшихъ прежняго слѣпца совсѣмъ не спросили о причинѣ этого приведенія, но какъ будто ихъ (приведшихъ слѣпца) было недостаточно для обвиненія Христа, они и его (слѣпца) заставляютъ собственнымъ голосомъ засвидѣтельствовать о дѣлѣ, думая, что значеніе клеветы отъ этого будетъ сильнѣе. Замѣтъ, что не спрашиваютъ просто только о томъ, исцѣленъ ли онъ, но стараются услышать именно о томъ, *какъ прозрѣлъ*“. Ясно, они очень старались услышать именно то, что Онъ *брѣніе сдѣлалъ и помазалъ мои очи*. Вѣдь

въ этомъ, какъ неразумно полагали они, и заключалось все преступленіе закона и, указывая на нарушеніе вышнихъ постановленій, думали, что вполне справедливо надо негодовать и требовать наказанія Законопреступника.

IX. 15. Онъ же рече имъ: брѣніе положи мнѣ на очи, и умыхся и вижу.

Разсказъ о чудѣ жадно принимаютъ какъ бы нѣкую пищу для зависти и поспѣшно хватаютъ предлогъ для своего гнѣва противъ Него. Преній слѣпецъ самымъ простымъ образомъ разсказываетъ о случившемся и весьма безискусственно говоритъ, въ краткихъ признаніяхъ какъ бы воспѣвая Врача, ибо онъ поражается отчасти природѣ дѣла. Какъ кажется, онъ размышлялъ такъ, что, помазавъ брѣніемъ какъ необычайнымъ лекарствомъ, Онъ чудеснымъ образомъ содѣлалъ его зрячимъ. Но съ особою выразительностью, по моему мнѣнію, и вслѣдствіе горькихъ мыслей сказалъ: *брѣніе* содѣлалъ и помазалъ *мои очи*. Можно предполагать, что онъ говоритъ какъ бы такъ: знаю самъ, что говорю предъ ненавистниками, однакожь не скрою истины. Воздамъ благодарностью моему Благодѣтелю, не предамся неумѣстному молчанію. Почту признаніемъ Врача, употребившаго не мудреный способъ исцѣленія, не желѣзомъ и отсѣченьемъ удалившаго болѣзнь, не лекарственными снадобьями доставившаго пользу, не общеупотребительными средствами воспользовавшагося, но употребившаго необычайные новые способы: *брѣніе* содѣлалъ и помазалъ *мои очи и я омылся и вижу*". Со всею справедливостію надо изумляться тому, что человѣкъ этотъ къ своимъ словамъ объ этомъ искусно приложилъ, какъ бы вѣнецъ какой, это „вижу“. Этимъ онъ какъ бы такъ

говорить: не напрасно явлю силу Исцѣлившаго, не отрину благодати, ибо имѣю уже давно желанное (зрѣніе). Самъ я, говорить, слѣпецъ при рожденіи и въ утробѣ материнской имѣя этотъ недугъ, помазанный брениемъ, получилъ исцѣленіе и „вижу“, то-есть, не просто кажусь имѣющимъ открытые глаза, скрывая мракъ въ глубинѣ, но дѣйствительно смотрю,—имѣю уже въ зрѣніи то, что прежде было въ однихъ только ушахъ,—вотъ осіяваетъ меня блестящій свѣтъ солнца, вотъ объемлетъ мой взоръ красота новыхъ чудныхъ видѣній теперь наконецъ узналъ я Іерусалимъ и „вижу“ въ немъ божественный блистающій храмъ и дѣйствительно созерцаю въ срединѣ его честный жертвенникъ и если окажусь за воротами, то могу осматривать кругомъ всю Іудею и знать, что такое гора и что растеніе,—а когда время склонится къ вечеру, то отъ моихъ очей не сокроется красота небесныхъ чудесъ, ни свѣтлый хоръ звѣздъ, ни золотой свѣтъ луны,—буду благодаря этому изумляться искусству Строителя, отъ красоты твореній познаю и я Творца (Прем. 13, 5).

Итакъ, что касается до широты созерцаній и искусства въ словахъ, то толкуемое изреченіе имѣетъ такой смыслъ, то-есть слова „вижу“ и „бреніе сдѣлалъ и помазалъ мои очи“. Вѣдь пріятность не чужда созерцаніямъ и наше слово, то-есть церковное, не отрывается отъ нея, какъ чего то незаконнаго. И поистинѣ не оклеветанною сохраняетъ силу своего Цѣлителя, когда говоритъ таковое тотъ, кто былъ привлеченъ на судъ священниковъ потому, что получилъ милость отъ Христа.

IX. 16, Глаголаху убо отъ фарисей нѣци: нѣсть Сей отъ Бога человекъ, яко субботу не хранитъ.

Пустословятъ, что „не есть отъ Бога“ Тотъ, Кому принадлежитъ сила совершать Божіе, и, видя Сына увѣнчаннаго равною мѣрою славы съ Всемогущимъ Отцомъ, не стыдятся безосновательно набрасывать на Него пятно нечестія. Отвергнувъ славу чудотворца, противопоставляютъ Ему свою зависть и неудержимо обвиняютъ Незнавшаго грѣха въ преступленіи. Безразсудно воображаютъ, что Онъ нарушилъ весь законъ совершеніемъ движенія однимъ только перстомъ въ субботу, хотя сами отвязываютъ вола отъ яслей и водятъ къ водѣ (Лук. 13, 15), и овцу, если упадетъ въ яму, по написанному, съ великимъ стараніемъ вытаскиваютъ (Матѣ. 12, 11), — оцѣживаютъ комара, по слову Спасителя (Матѣ. 23, 24). Это было очень обычно у нихъ. Итакъ, весьма безразсудно и безповоротно не признавъ чудотворца во Христѣ и изъ совершеннаго Имъ дѣла не пожелавъ узнать наконецъ, Кто же Онъ, унижаютъ Его ради субботы и, какъ будто всѣ дѣла добродѣтели у нихъ заключались въ одномъ субботнемъ покоѣ, всецѣло лишаютъ Его близости къ Богу, говоря, что Онъ не отъ Бога. Между тѣмъ какъ напротивъ, имъ надлежало признать, что присутствуетъ уже Самъ Владыка собственныхъ Своихъ законовъ и что пріятно и любезно Богу дѣлать добро и въ субботу и не оставлять безъ надежды просящаго милости. Когда же кто не восхвалитъ совершителя добра или въ какое время не должна быть добродѣтель? Они же, хотя и читали того древняго Іисуса, что взялъ Іерихонъ въ субботу и повелѣлъ ихъ отцамъ дѣлать все обычное побѣдителямъ и такимъ образомъ никакого значенія не придавъ субботному покою, на-

падаютъ на Христа и, въ своемъ худоуміи, стараются не только лишить Его божественной славы, но и не усвояютъ Ему и подобающей святымъ чести. Способные благодаря своей зависти къ одному только пустословію, они обвиняютъ въ нечестіи Того, Кто оправдываетъ міръ и Кто для сего пришелъ къ намъ отъ Отца.

ІХ. 16. Они же глаголаху; како можетъ человекъ грѣшенъ сиеца знаменія творити? И распря бѣ въ нихъ.

И эти думаютъ о Немъ еще унижительно, говоря и разсуждая о Немъ, какъ о простомъ человѣкѣ. Впрочемъ подѣ влияніемъ чуда считаютъ Христа выше закона и, отъ божественнаго знаменія уже представляя доказательство субботняго покоя, оказываются судьями гораздо болѣе справедливыми. Въ самомъ дѣлѣ, освобождать совѣмъ отъ обвиненія въ преступленіи и считать свободнымъ отъ грѣха Того, Кто не отказывался и въ субботу дѣлать то, что подобало,—развѣ это не противорѣчитъ постановленіямъ о субботѣ? По необходимому, какъ кажется, заключенію и имѣющему въ себѣ большое основаніе приходятъ они къ такой мысли и говорятъ это. Вѣдь то очевидно и совершенно безспорно, что презирающимъ законъ божественный и ни во что вмѣняющимъ вышнія постановленія Богъ отнюдь не далъ бы силы совершать что либо досточудное. Но, какъ думаютъ Іудеи, Онъ далъ это Христу, хотя и нарушившему законъ о субботѣ. Можно ли поэтому сомнѣваться въ томъ, что дѣлать что либо въ субботу не ведетъ къ грѣху или что дѣланіе добрыхъ дѣлъ гораздо выше воздержанія отъ дѣлъ во время нея? Вѣдь и леви-тамъ, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ опять Самъ Спаситель, дозволено священнодѣйствовать въ суб-

боту (Матѣ. 12, 5), и остаются безнаказанными за это занятіе, напротивъ не безнаказанно уклоненіе отъ дѣла. Кто станетъ обвинять ихъ за то, что они въ субботу приносятъ воловъ въ жертву или совершаютъ другого рода жертвы? Скорѣе напротивъ, слѣдовало бы обвинять ихъ, если бы они не дѣлали, что надо было и требовалось подзаконнымъ служеніемъ. Если такимъ образомъ посвящавшіяся за спасеніе кого либо подзаконныя жертвы безпрепятственно возносились на божественный жертвенникъ и въ субботу, то не тѣмъ ли болѣе подобало совершаться дѣламъ божественной благодати къ человѣку, ради коего чудо и въ субботу должно одобряться?

Итакъ, здравымъ разсужденіемъ приходя къ правильному заключенію, нѣкоторые изъ Іудеевъ, хотя и едва едва снявъ слѣпоту присущаго язычникамъ невѣжества съ очей своего ума, удивляются славѣ Спасителя, хотя еще и не какъ подобало, ибо хотя говорятъ о Немъ ниже, чѣмъ подобало, но отдѣляются отъ легко осуждавшихъ Его. Одни, нечестиво поддаваясь зависти, а не здравому смыслу, обращаютъ въ беззаконіе то, что отнюдь не заслуживаетъ обвиненія. Другіе же, право смотря на существо дѣла, осуждаютъ безуміе тѣхъ,

Впрочемъ, кажется, и другое нѣчто думали совершать тѣ, что говорили: *„какъ можетъ человѣкъ грѣшникъ такіа знаменія творить?“* Стараются, такъ сказать, защищать весь сонмъ святыхъ. Вѣдь если, говорятъ они, мы допустимъ, что и обыкшіе согрѣшать могутъ блистать превышающими слово и разумъ дѣлами и сами оказываться творцами чудесъ, то какое же явится препятствіе для злослововъ обвинять сонмъ пророковъ или даже наконецъ нападать на самого блаженнаго Моисея и ни во что ставить столь досто-

честнаго пророка, хотя за нимъ и засвидѣтельство-
ваны наилучшія изъ всѣхъ добродѣтели? Итакъ, ради
Христа они защищаютъ и славу отцовъ, взявъ какъ
бы за предлогъ любви къ нимъ и сказанное о Немъ.

*IX. 17. Глаголаху убо паки слѣпцу: что ты глаголеши
о Немъ, яко отверзе очи твои?*

Думаютъ осмѣять желающихъ судить право, забыва-
вая, какъ мнѣ кажется, изреченіе: „судъ правый су-
дите“ (Второз. 1, 16). Какъ бы скованные узами за-
висти, они совѣмъ не хотятъ слушать голоса, воз-
дающаго почтеніе Христу, — отвращаются какъ отъ
какого то величайшаго врага своего, отъ желавшаго
засвидѣтельствовать о чудѣ и мало заботясь о себѣ,
обращаютъ надменные рѣчи къ человѣку, который
былъ исцѣленъ, — снова спрашиваютъ о томъ, что
уже часто слышали и называютъ наконецъ человѣ-
комъ дурнымъ и грѣшнымъ Того, Кто совершилъ что
либо въ субботу. Полагая, что за это и слѣпецъ вмѣ-
стѣ съ ними осудить Его и послѣдуетъ ихъ рѣчамъ,
такъ что, отказавшись воздать благодареніе за изба-
вленіе отъ страданія и испугавшись гнѣва ихъ, об-
винить Его какъ преступника закона о субботѣ. Да,
несомнѣнно худъ умъ фарисеевъ, потому что невѣ-
жествененъ. Въ самомъ дѣлѣ, голосъ одного неблаго-
дарнаго чѣмъ могъ бы повредить силѣ чуда? Или
развѣ Христосъ оказался бы не имѣющимъ боже-
ственной славы, еслибы слѣпецъ быть можетъ под-
палъ бы страху и, не желая переносить какія либо
скобры, отказался бы воздать благодарность? Но за-
висть всегда бываетъ способна побуждать подвержен-
ныхъ ей къ возможно быстрому совершенію чего либо,
хотя бы это и справедливо заслуживало великаго
осмѣянія. Напротивъ умъ, свободный отъ зависти.